

К ЭПИСТЕМОЛОГИИ ВОСТОЧНОЙ АРХЕОГРАФИИ В ДАГЕСТАНЕ: ОТ МУСУЛЬМАНСКОГО КРАЕВЕДЕНИЯ К ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЮ¹

Владимир Олегович Бобровников
Институт востоковедения РАН, Москва

В советское время в Дагестане сложилась блестящая школа академической ориенталистики и восточной археографии, преимущественно арабистики – крупнейшая на Юге России и единственная на Северном Кавказе. Находки археографических экспедиций позднего советского и постсоветского времени неплохо документированы. Тематический репертуар рукописных коллекций, их роль в давних связях между ‘улама’ центрами и периферией мусульманского мира на Кавказе, в Средней Азии и Поволжье, на Ближнем Востоке отражены в многочисленных статьях и в целом ряде каталогов [Каталог, 1977; Шихсаидов, 1988а; Шихсаидов, 1988b; Шихсаидов, Тагирова, Гаджиева, 2001; Шихсаидов, Омаров, 2005; и др.]. Вместе с тем ранняя история дагестанской школы восточной археографии, ее досоветские корни еще практически не изучены и не осмыслены.

Было бы самонадеянно полагать, что можно заполнить такую серьезную лакуну одной статьей. Задача этой работы много скромнее. Она должна показать возможные пути поисков и имеющиеся подходы в этом направлении. Речь в статье пойдет о началах восточной археографии в Дагестане позднего имперского и раннего советского времени в общем контексте складывания круга востоковедных дисциплин на бывших мусульманских окраинах советской России. Кто стоял у истоков восточной археографии в регионе? Какую роль в ее становлении сыграла местная мусульманская элита, прежде всего сторонники модернистского движения джадидов и близкие к ним дагестанские ‘улама’? Насколько их интересы и представления предопределили тематический репертуар академического источниковедения и подходы к изучению местных нарративных источников и документов эпохи средне-

---

¹ Работа подготовлена при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Евразийское наследие: новые смыслы».

вековья и нового времени на восточных языках? В какой степени развитие восточной археографии отвечало политическим установкам российских и советских властей в регионе? Как менялись подходы к изучению восточных рукописей и их научные интерпретации? Когда и как на основе мусульманского краеведения сложилось научное восточное источниковедение? Эти вопросы определяют задачи и рамки статьи.

Отличительной особенностью Дагестана, во многом предопределившей направление развития восточного источниковедения, было и остается исключительное богатство рукописных библиотек. Только за последние десятилетия археографические экспедиции под руководством А.Р. Шихсаидова выявили здесь более трехсот частных и мечетных собраний рукописей на арабском языке и в арабской графике, привезенных с Ближнего Востока (частично из Волго-Уральского региона) и переписанных на месте, преимущественно в XVIII–XX вв. [Шихсаидов, Тагирова, Гаджиева, 2001, с. 136]. До массовых антирелигиозных репрессий конца 1920-х – 1930-х гг., в которых, судя по рассказам дагестанцев, погибли десятки, если не сотни рукописных библиотек, их было значительно больше. Конечно, литературный арабский никогда не был понятен большинству мусульман региона, но официально оставался основным языком власти, права и культуры после включения Дагестана в состав Российской империи и РСФСР. Арабская графика использовалась в официальном делопроизводстве до перехода в 1927 г. на латинскую графику, которую в конце 1930-х гг. сменила модифицированная кириллица. Переписка и даже составление рукописей на арабском языке и в арабской графике, правда, в меньших масштабах, продолжались еще в 1970-е гг. В силу этих обстоятельств, особенно в период становления восточной археографии между двумя мировыми войнами, когда знание русского языка и кириллицы еще не получило распространения в регионе, занятие источниковедением и краеведением предполагало, прежде всего, умение читать арабоязычные и арабографичные рукописи, в основном написанные скорописью – дагестанским *наسخом*.

Еще дореволюционные власти Кавказского наместничества озаботились переводами источников на восточных языках, плодом чего стало монументальное 12-томное издание Актов, собранных Кавказской археографической комиссией [АКАК, 1866–1904, т. I–XII], вобравших в себя документы о политических образованиях региона с X столетия по 1881 г. Последний XIII том, охватывающий правление наместника кавказского вел. кн. Михаила Николаевича (1862–1881), после которого наместничество было надолго упразднено, остался в рукописи [ЦИАГ, ф. 416] из-за начала Первой русской революции, во время которой издание прекратилось. Первые два десятилетия изданием руководил русский востоковед французского происхождения

Адольф Берже (1828–1886). К участию в Актах были привлечены служившие в Кавказском крае военные востоковеды и переводчики, а также отдельные представители местной мусульманской военной и духовной элиты на русской службе. В целом завоевание Кавказа шло вместе со становлением кавказоведения [Бобровников, 2002, с. 147–151]. Ведущие научные учреждения, как и центральная администрация Кавказского наместничества (1844–1881, 1905–1917) разместились в Тифлисе. В 1851 г. А.В. Головин учредил тут Кавказский отдел Императорского русского географического общества, пытавшийся координировать проведение в регионе естественнонаучных, а также лингвистических, исторических и краеведческих исследований. Его членами и корреспондентами стали отдельные чиновники Дагестанской области [Известия КОИРГО, 1901, т. XIV, № 2, с. 47], переводчики и шариатские судьи, для которых история и краеведение были хобби. В их числе следует упомянуть преподавателя Темир-Хан-Шуринского реального училища Е.И. Козубского [Памятная книжка Дагестанской области, 1895; Дагестанский сборник, вып. 1, 1902, вып. 2, 1904; Козубский, 1906], генерал-майора М. Алиханова-Аварского [Тарихи Дербенд-наме, 1898]; кади с. Кумух ‘Абд ар-Рахмана Газикумухского [Абдурахман из Газикумуха, 1997, с. 14].

Дореволюционная ориенталистика носила преимущественно прикладной и краеведческий характер, ограничиваясь преимущественно переводами, нередко сокращенными пересказами, отдельных арабоязычных и арабографичных нарративных источников и документов с Восточного Кавказа [АКАК, 1868, т. II, с. 1072–1073; Джемалэддин Казикумухский, 1869; Гаджи-Али, 1873]. Кстати, такой жанр (араб. *мухтасар*) неплохо вписывался в местную мусульманскую книжную традицию. По верному замечанию И.Ю. Крачковского, до крушения империи в 1917 г. на Кавказе не возникло самостоятельного центра научной арабистики [Крачковский, 1958, т. V, с. 135]. До советского периода в регионе не было ни университетов, ни научно-исследовательских учреждений, специализировавшихся на ориенталистике и восточной археографии. Сбор, перевод и изучение арабских и арабографичных рукописей оставался частным делом энтузиастов, большинство из которых принадлежало к числу мусульманской духовной элиты края, у выходцев из которой, как правило, были личные рукописные библиотеки.

Как современные научные дисциплины источниковедение и восточная археография берут начало на Северном Кавказе с создания в 1920-е гг. в советских автономиях региона сети музеев, краеведческих обществ и научно-исследовательских учреждений. Еще в годы Гражданской войны во Владикавказе было организовано Историко-филологическое общество,

в 1925 г. преобразованное в Осетинский научно-исследовательский институт (НИИ) краеведения. В 1925–1927 гг. подобные НИИ появились в Ингушетии и Кабардино-Балкарии, в Краснодаре было создано Общество изучения Адыгейской автономной области. В Ростове-на-Дону возник Краевой Горский НИИ [Страницы отечественного кавказоведения, 1992, с. 19]. Чуть раньше, в 1924 г. усилиями первого наркома просвещения Дагестанской АССР Алибека Тахо-Годи в Махачкале был открыт Дагестанский институт национальных культур. Одновременно с институтом Тахо-Годи добился создания в 1924 г. в Буйнакске Дагестанского краеведческого музея. Чуть позже он переехал в Махачкалу и стал называться Дагестанским государственным объединенным историко-архитектурным музеем имени А. Тахо-Годи. Филиалы музея были организованы во многих центрах сельских районов республики. В 1927 г. Институт национальных культур был преобразован в Институт культуры при Совнарком Дагестанской АССР, а в 1938 г. переименован в Институт истории, языка и литературы (ИИЯЛ), позднее получивший имя народного поэта Дагестана Гамзата Цадасы. На основе Института истории, языка и литературы в 1946 г. была создана Дагестанская база АН СССР, преобразованная в 1949 г. в Дагестанский филиал АН СССР. Вместе с распадом Советского Союза, в 1991 г., институт были разделен на два действующих поныне подразделения Дагестанского научного центра РАН: Институт языка, литературы и искусства и Институт истории, археологии и этнографии (ИИАЭ).

Вместе с созданием музеев и НИИ, в середине 1920-х годов, в горных районах Дагестана начинается интенсивная работа по собиранию, копированию, переводу и изучению рукописей из частных и мечетных библиотек на восточных языках, преимущественно на арабском литературном и местных кавказских и тюркских языках в арабской графике (*‘аджам*). Собранные материалы сначала поступали в Дагестанский краеведческий музей, и частично – в Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД). После создания в ИИЯЛ Рукописного фонда в 1945 г. сложилась основа крупнейшего государственного рукописного собрания региона. Оно вобрало в себя более ранние коллекции Дагестанского краеведческого музея и ИИЯЛ [Шихсаидов, Тагирова, Гаджиева, 2001, с. 133]. В 1963 г. в институте возник отдел восточных рукописей, сотрудники которого занялись разбором собранных рукописей и документов. С 1948 г. проводились ежегодные археологические экспедиции в сельские районы, в результате которых было собрано 13653 единиц хранения: около 4 тысяч рукописей и 5819 писем (ф. 16, оп. 1–4), включая дипломатическую переписку, актовый материал, дело-производство судов по адату и шариату в оригиналах и копиях. В составе коллекции выделяются библиотека дагестанских востоковедов (ф. 13), ру-

кописные (ф. 14) и старопечатные книги (ф. 15) на восточных языках, ксерокопии и фотокопии рукописей, старопечатных книг и документов (ф. 30), а также библиотека одного из создателей Рукописного фонда М.-С.Д. Саидова (1902–1985) (ФМС) [<http://www.ihaednc.ru/>]. Материалы, собранные сотрудниками обоих учреждений, хранятся в Научном архиве ИИАЭ (ф. 1, 5).

Академическое источниковедение появилось в Дагестане уже в послевоенные десятилетия. Немалую роль в формировании академической ориенталистики здесь сыграли выпускники Восточного факультета Ленинградского университета, стажеры и аспиранты Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР (ныне Институт восточных рукописей РАН). К их числу относится признанный глава дагестанской ориенталистики А.Р. Шихсаидов, такие классики восточной археологии Дагестана, как Т.М. Айтберов, Д.Х. Гаджиева (1955–2013), Х.А. Омаров (1937–2007), Г.М.-Р. Оразаев. В то же время даже во второй половине XX в. и в постсоветское время среди дагестанских источниковедов были и остаются выпускники мусульманских образовательных учреждений, нередко получившие наряду с религиозным и светское высшее образование. В довоенные десятилетия в Дагестане практически не было историков-востоковедов с высшим специальным светским образованием. Арабисты из петербургско-ленинградской школы ориенталистики, кроме отдельных филологов (А.Н. Генко), на Северный Кавказ не ездили и местными мусульманскими рукописями не интересовались. Редкими исключениями в этом роде был ученик И.Ю. Крачковского А.М. Барабанов, сделавший первый полный перевод хроники Мухаммеда-Тахира ал-Карахи о Кавказских войнах XIX в., но рано погибший в Великой Отечественной войне и не закончивший свое исследование хроники. Историк-краевед из Ростова-на-Дону Н.И. Покровский в конце жизни выучил арабский и работал с арабоязычными источниками по Дагестану XIX в., но оставил только неплохой обзор источников Кавказских войн, преимущественно на русском языке [Покровский, 2000]. Стоит упомянуть Кавказскую историко-бытовую экспедицию Исторического музея Москвы под руководством А.Б. Закс, собравшую в горном Дагестане в 1936–1937 гг. интересные арабоязычные письма и документы, которые составляют ныне основу кавказской коллекции ГИМ [Закс, 1941].

Кадров для проекта культурной революции в регионе катастрофически не хватало. До середины 1920-х гг. даже учителями общеобразовательных школ были преимущественно сельские муллы, *кади* и преподаватели *мадраса*. Поэтому к сбору и обработке восточных рукописей в Дагестане первоначально были привлечены представители мусульманской духовной элиты, в том числе бывшие чиновники имперской администрации Дагестанской области. Некоторые имели высшее образование, но, как правило,

не историческое и даже не гуманитарное, а инженерно-техническое. При этом они увлекались родной историей края и хорошо разбирались в местной мусульманской историографии, порой не раз переписав эти сочинения для собственной библиотеки или *мударриса*, у которого учились. Подавляющее большинство собирателей арабоязычных рукописей погибло в ходе массовых политических и антирелигиозных репрессий 1920-х – 1930-х гг., почему их биографии и в особенности занятия восточной археографией до недавнего времени были цензурированы, и еще остаются плохо известными. Во многом ориентиром здесь служат рукописи Научного архива и Фонда восточных рукописей ИИАЭ, содержащие скупые указания на собирателей и переводчиков, реже – коллекции, из которых были извлечены материалы, государственных заказчиков экспедиций и время переписки. В голодные и неустроенные 1920-е гг. большинство рукописей оставалось в частных коллекциях. В Музей и НИИ поступали их рукописные копии (фотокопии и машинописные копии появились в Дагестане в послевоенные десятилетия).

Среди первых собирателей восточных рукописей в Дагестане преобладали мусульманские ученые (*'улама'*) и представители зарождавшейся на рубеже XIX–XX вв. мусульманской интеллигенции из аварских, кумыкских и лакских селений. Их имена сохранили личные дела научных архивов обоих академических институтов Махачкалы, о которых уже говорилось выше. Особенно много сделали в этом направлении Мухаммед Пирбудагов Инквачилав и его племянник Мансур Гайдарбеков из с. Геничутль, инженер Багадур Малачиханов из с. Ашильта (1882–1941), Абдулатип Шамхалов из с. Аргвани (1900–1933). Большинство из них работало с середины 1920-е гг. в Институте национальных культур. Абдулатип Шамхалов по направлению Наркомата просвещения ДАССР учился, а позднее работал в 1923–1927 гг. научным сотрудником в Институте народов советского Востока Российской академии НИИ общественных наук в Москве. Обучение предполагало летнюю практику на Северном Кавказе с копированием исторических и этнографо-фольклорных материалов на восточных языках. В Научном архиве ИИЯЛ есть несколько толстых томов, куда Инквачилав копировал арабоязычные рукописи и надписи с переводом их на аварский язык сначала в арабской, а затем в латинской графике. Говорят, его почерк был слишком неразборчив и потому большинство его записей было начисто переписано его племянником Гайдарбековым¹. Последний, работая 1960-е гг. в должности лаборанта ИИЯЛ, за два с небольшим года подготовил 2 тома антологии дагестанской арабоязычной поэзии и 14 томов исторических выписок [Гайдарбеков, I–XIV]!

---

¹ По устному сообщению Т.М. Айтберова из Центра востоковедения Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН.

В дагестанской историографии второй половины XX в. эти ученые-энтузиасты получили название «просветителей» [см., например: Меджидов, Абдуллаев, 1968]. Не следует, однако, воспринимать этот термин буквально. Он служил скорее для оправдания изучения советскими востоковедами выходцев из мусульманской духовной элиты, сотрудничавших с советской властью, позднее репрессированных и реабилитированных, начиная с конца 1950-х годов. В действительности они были скорее краеведами, собиравшими материалы для составления обзорных работ по истории, культуре и фольклору мусульман Дагестана.

Интересно, что в первых археографических экспедициях 1920-х – начала 1930-х гг. участвовали дагестанские модернисты-джадиды и их ученики. Наиболее крупным представителем этого течения, тесно сотрудничавшего с большевиками еще в годы Гражданской войны, вовлеченным в сбор и перевод арабоязычных рукописей был мусульманский публицист, мударрис и историк ‘Али ал-Гумуки (из с. Кумух), более известный как Али Каев (1878–1943). После закрытия в 1927 г. шариатского суда в с. Кумух, где он работал кади и руководил новометодной джадидской медресы, Каев переехал в Махачкалу. По приглашению правительства Дагестана и лично знавшего его Дж. Коркмасова он устроился научным сотрудником в Институт культуры при Совнарком республики, где и работал с 1928 г. до своего первого ареста и ссылки в Казахстан в 1930 г. В 1934–1938 гг., после досрочного освобождения и вплоть до второго ареста и высылки из Дагестана, он был восстановлен на работе в институте. В эти годы он много писал и переводил с арабского, фарси, турецкого, ездил по горным селениям Дагестана, работал в библиотеках Тбилиси и Москвы [Бобровников, 2006, с. 193; Наврузов, 2013]. Наряду с материалами, вошедшими в Научный архив и Фонд восточных рукописей ИИЯЛ, Каев собрал большую личную библиотеку. Некоторые книги и документы из нее погибли в НКВД. Только в 1938 г. сотрудники НКВД изъяли 7 объемистых папок с рукописями. Обнаружить их в архивах КГБ-ФСБ не удалось. Но основную часть собрания жене Каева удалось сберечь, замуравив комнату где она хранилась. Наиболее ценные письма и документы XVII – первой четверти XX в. сам он спрятал под землей в казане накануне второй ссылки, из которой не вернулся. В 1990-е гг. собрание рукописей и писем было извлечено из тайников. Вся библиотека хранится ныне у внука ученого Ильяса Каева в Махачкале.

Еще более существенен вклад в становление восточной археографии в Дагестане ученика Каева Магомед-Сеида Саидова (1902–1985) из с. Геничутль. Он окончил его медресу в Кумухе в первые годы после установления советской власти в Дагестане. Как и Каев, Саидов долго работал учителем в сельских школах, участвовал в издании первой советской

газеты на аварском языке «МагIарулав (Горец)». Впоследствии он получил высшее светское образование, защитил в 1940 г. в Москве кандидатскую диссертацию по лингвистике и возглавил Отдел восточных рукописей (позднее Отдел востоковедения) ИИЯЛ. Саидов руководил археографическими экспедициями. В 1960-е и 1970-е гг. он периодически привлекал к археографической работе с арабоязычными фондами Института арабистов из числа выпускников дагестанских мадраса дореволюционного и раннего советского времени, закрытых в 1930-е гг. На положении лаборанта Отдела востоковедения в Институте работал земляк Магомед-Сеида арабист и сельский учитель Мансур Гайдарбеков, начинавший работать с восточными рукописями со своим дядей Инвачилавом. В той же должности перебивали несколько известных в республике арабистов, в основном аварцев, такие как Мухаммед Нурмагомедов из с. Аракани (1909–1997), владелец крупнейшей в республике частной библиотеки, которую он собрал в ходе археографических экспедиций, К.М. Баркуев и выпускник медресе Мир-и Араб М.-Р. Мугумаев, переводившие правовые документы из Фонда восточных рукописей (ф. 16), и другие. У Каяева учились и некоторые другие ‘улама’, принявшие участие в археографической работе, в частности упоминавшийся выше А. Шамхалов [Тахнаева, 2012, с. 316–317], бравший у него частные уроки в Темир-Хан-Шуре. Каяева близко знал М. Нурмагомедов.

Любопытно рассмотреть тематику сочинений и документов Фонда восточных рукописей на предмет понимания интересов и установок ранней восточной археографии. Конечно, здесь была велика сила инерции. Фонд вобрал в себя три типа коллекций: Во-первых, рукописные библиотеки закрытых в советское время мечетей, медресе при них и святых мест (*мур, зийарат*). Во-вторых, в состав Фонда вошли отдельные книги, документы и их копии из мечетей, вновь открытых во второй половине 1940-х гг. и продолжавших действовать в позднее советское время. Наконец, львиную долю поступлений в Фонд составили бывшие частные библиотеки [Шихсаидов, Тагирова, Гаджиева, 2001, с. 134–137]. По этой причине состав его во многом воспроизводит тематику и особенности рукописных библиотек региона дореволюционного и раннего советского времени. Он неплохо отражает круг чтения и интересы образованного дагестанского читателя нового времени. Особенной популярностью пользовались сочинения и комментарии по исламскому праву (*фикх*) преобладающего в Дагестане шафиитского толка и арабской грамматике, не говоря про большое число копий Корана, его частей и сочинений по коранической экзегетике. По происхождению здесь выделяются, во-первых, рукописи, привезенные в Дагестан с Ближнего Востока и из Средней Азии. Они относятся к древнейшей части коллекции. Самые ранние из них – куфические Кораны XI–XIV вв. Другая группа

рукописей – это работы XIV–XX вв. дагестанских переписчиков (*катибов*), тиражировавших сочинения, привезенные их соотечественниками из-за рубежа и из соседних с Кавказом мусульманских регионов. Третья (и наиболее любопытная) группа рукописей представляет оригинальные дагестанские сочинения XI–XX вв., преимущественно в копиях и более поздних списках с отдельными оригиналами и даже автографами [Османов, Шихалиев, 2009, с. 190]. В Дагестане любили соединять в сборники (*маджму'ат*) разнородные сочинения малых форм.

В то же время, по верному замечанию знатока дагестанской книжной культуры А.Р. Шихсаидова, библиотеки дагестанских джаидов и собранный с их помощью Фонд восточных рукописей нарушают местную традицию [Шихсаидов, Омаров, 2005, с. 5–8]. В дагестанской восточной археографии между двумя мировыми войнами упор был сделан на преимущественный сбор и изучение оригинальных дагестанских сочинений и документов на арабском языке. Конечно, во многом здесь довлел политический заказ организаторов восточной археографии из Наркомата просвещения ДАССР. По всему Советскому Союзу в 1920-е гг. шла подготовка региональных версий советской истории недавно закончившейся победой советского государства Гражданской войны и войн, которые вела на бывших восточных окраинах Российская империя, антагонистом которой позиционировал себя Советский Союз. Военно-политическому нарративу борьбы империи с восточными «дикарями» и «хищниками» на ее окраинах ранняя советская историография противопоставляла новый (столь же военно-политический) нарратив национально-освободительного движения и идею написания народной истории трудящихся масс Востока, своего рода антиимперской национальной истории. Эти установки чувствуются в исторических выписках Али Каяева 1920-х – начала 1930-х гг., а также в подготовленных на их основе объемных обзорных трудах, хранящихся в библиотеке Ильяса Каяева и Научном архиве ИИАЭ: «Из истории гражданской войны. 1920 год» (на араб. яз., 84 л.), «История гражданской войны» (на лак. яз., 1924–1934 гг.), «Материалы по истории лаков» (на лак. яз., 271 л.), «Материалы по истории Дагестана» (1935 г., на лак. яз., 141 л.), «История восстания 1877 года в Дагестане и Чечне» (на лак. яз., 239 л.) [Наврузов, 2013]. Те же установки объясняют, почему выписки и сочинения Каяева середины 1920-х гг. написаны на арабском, а более поздние – уже на лакском языке (сначала в арабской, затем в латинской графике). Равным образом государственный заказ чувствуется в капитальном труде Инквачилава «Переписка эпохи Кавказских войн и материалы к истории Дагестана» [НА ИИАЭ, ф. 1, оп. 1, д. 426, 230 л.].

Однако направление ранних советских археографических исследований определял не только и не столько государственный заказ. Личные вкусы и

научные интересы собирателей сыграли здесь не менее важную роль. Репертуар представленных в этих коллекциях материалов во многом отражает интересы дагестанских джадидов и их последователей. Не случайно, в материалах библиотеки М.-С. Саидова хорошо представлена не только оригинальная дагестанская историография, но также стихи дагестанских ученых на арабском языке, в том числе на исторические темы¹, а также словарь биографий дагестанских ученых Назира из с. Дургели (ум. 1935) «Нузхат ал-азхан фи тараджим ‘улама’ Дагистан», выдержки из сочинений российских джадидов, близких им реформаторов рубежа XIX–XX вв. с Ближнего Востока и трудов знаменитого татарского мусульманского мыслителя и историка Шихабетдина Марджани [Шихсаидов, Омаров, 2005, с. 6]. В свою очередь, краткий биографический словарь дагестанских ученых-арабистов подготовил, но не успел издать в советское время Али Каяев. Среди его работ в Фонде восточных рукописей хранится несколько вариантов на староосманском языке. К этому же роду научных изысканий можно отнести упоминавшиеся выше компиляции М. Гайдарбекова – его двухтомную антологию дагестанской исторической поэзии на арабском языке и 14-томные исторические выписки в жанре кратких арабоязычных памятных записей (*таварих*) с эпохи арабского завоевания в раннем средневековье до 1920-х годов. Примеры такого рода можно множить сколько угодно.

Интересно указать на один любопытный и важный факт. Именно в работах дагестанских джадидов и их учеников, с именами которых связано начало восточной археографии в Дагестане, вводятся в научный оборот памятники мусульманской историографии Дагестана с эпохи раннего средневековья до конца нового и начала новейшего времени, ставшие классическими в современном дагестанском востоковедении. Сначала у Али Каяева, а затем в материалах археографических экспедиций середины 1920-х гг. М. Инквачилава и М. Гайдарбекова впервые появляются упоминания хунзахского списка политической программы «Завещания Андуника» (1485 г.), знаменитого кодекса «Гидатлинских адатов» XVII–XIX вв. Дореволюционная историография знала о существовании разных списков средневековых хроник «Дарбанд-нама» и «Та’рих ислам фи Дагистан», оперировала данными сокращенных пересказов хроники Кавказской войны Мухаммеда-Тахира ал-Карахи. Вместе с тем она пребывала в глубоком неведении о важнейших документах, нормативных и нарративных памятниках, сло-

---

¹ Стихотворное наследие дагестанских ‘улама’, в особенности их стихи на злободневные и исторические темы остается наименее изученной частью оригинальной дагестанской литературы на арабском языке. Даже в недавних немецком и русском изданиях биографического словаря Назира из с. Дургели все стихи были изъяты из публикации [Nadhir ad-Durgili, 2004; Назир ад-Дургели, 2012].

жившихся в ханствах и союзах горских общин задолго до установления над Дагестаном российского владычества. Более того, в российской истории права укоренилось превратное мнение о бесписьменном характере обычного права. Копирование и введение в научный оборот этих памятников позволили существенно скорректировать представления об уровне развития книжной культуры региона, начиная с раннего средневековья. Современная историография связывает этот и другие прорывы с исследованиями главы ранней школы дагестанской археографии М.-С. Саидовым. Не подвергая сомнению это справедливое суждение, можно с полным основанием предположить, что начало пересмотра укоренившихся в местной мусульманской и российской литературе ошибочных клише восходит к деятельности первого учителя Саидова Али Каяева. Кстати, именно он первым отметил важность изучения ранней суфийской энциклопедии начала XII в. Мухаммеда б. Мусы Абу Бакра ад-Дарбанди «Райхан ал-хака'ик ва бустан ад-дака'ик», краткое описание которой оставил М.-С. Саидов, а в научный оборот уже на рубеже XX–XXI вв. ввел ученик А.Р. Шихсаидова – А.К. Аликберов [Аликберов, 2003]. Тот же Каяев включает в состав своей библиотеки сочинения и книги из собрания средневекового арабского миссионера в Кумухе Ахмада ал-Йамани, научный разбор творчества которого смог сделать только А.Р. Шихсаидов.

Все эти факты не должны вызывать недоумения. Поздние мусульманские эрудиты, в первую очередь дагестанские джадиды, начиная с дагестанского историка Хасана Алкадари (1834–1910), подвергли критическому разбору местную мусульманскую историческую традицию. Но понять значение сделанных ими открытий для современной ориенталистики и восточной археографии смог только М.-С. Саидов и его последователи из ленинградско-дагестанской школы академического востоковедения. В работах Саидова еще заметны недочеты, свойственные мусульманской историографии, в частности пробелы в точном атрибутировании обнаруженных им уникальных источников. В частности, до сих пор не удается найти оригинал хунзахского списка «Завещания Андуника». Однако эти недостатки отнюдь не умаляют значения перехода от мусульманского краеведения к современному источниковедению и восточной археографии, осуществление которого связано с именем М.-С. Саидова и продолживших его начинания дагестанских востоковедов ленинградской школы.

Литература

Nadhir ad-Durgilis. Nuzhat al-adhan fi tarağim 'ulama' Dagistan / Hrsg., übersetzt und kommentiert von M. Kemper und A.R. Šixsaidov. – Berlin, 2004.

Абдуллаев М.А. Али Каяев. Очерк жизни и творчества / М.А. Абдуллаев, Ю.В. Меджидов. – Махачкала, 1993.

- Абдурахман из Газикумуха. Книга воспоминаний. – Махачкала, 1997.
- АКАК (Акты, собранные Кавказской археографической комиссией). – Т. XII. – Тифлис, 1866–1904.
- Аликберов А.К.* Эпоха классического ислама на Кавказе. Абу Бакр ад-Дарбандит и его суфийская энциклопедия «Райхан ал-хака'ик» XI–XII вв. / А.К. Аликберов. – М., 2003
- Бобровников В.О.* Мусульмане Северного Кавказа: обычаи, право, насилие. Очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана / В.О. Бобровников. – М., 2002.
- Гаджи-Али.* Сказание очевидца о Шамиле / Гаджи-Али // Сборник сведений о кавказских горцах. – Вып. VII. – Тифлис, 1873.
- Гайдарбеков М.* Хронология истории Дагестана / М. Гайдарбеков // НА ИИАЭ. – Ф. 3. – Оп. 1. – Д. 236. – Т. I–XIV.
- Дагестанский сборник. – Вып. I. – Темир-Хан-Шура, 1902.
- Дагестанский сборник. – Вып. II. – Темир-Хан-Шура, 1904.
- Джемалэддин Казикумухский.* Адабуль-марзия / Дж. Казикумухский // Сборник сведений о кавказских горцах. – Вып. VII. – Тифлис, 1869.
- Закс А.Б.* Северокавказская историко-бытовая экспедиция Государственного исторического музея 1936–1937 гг./ А.Б. Закс // Труды Государственного исторического музея. – Вып. XV. – М., 1941.
- Известия КОИРГО (Известия Кавказского отдела Императорского русского географического общества). – Т. XIV. – № 2. – Тифлис, 1901.
- Каталог арабских рукописей Института истории, языка и литературы им. Г. Цадасы Дагестанского филиала АН СССР / под ред. М.-С. Саидова. – Вып. 1. – М., 1977.
- Козубский Е.И.* История города Дербента / Е.И. Козубский. – Темир-Хан-Шура, 1906.
- Крачковский И.Ю.* Очерки по истории русской арабистики // Крачковский И.Ю. Избранные сочинения. – М.-Л., 1958. – Т. V.
- Меджидов Ю.В.* Али Каяев. Очерк жизни и творчества / Ю.В. Меджидов, М.А. Абдуллаев. – Махачкала, 1968.
- НА ИИАЭ (Научный архив Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН. Махачкала).
- Наврзюв А.Р.* Али Каяев – последний энциклопедист Дагестана / А.Р. Наврзюв; под ред. А.Р. Шихсаидова // Святые Дагестана. – Вып. 3. – Махачкала, 2013.
- Назир ад-Дургелиб* Усила имен в биографиях дагестанских ученых. Дагестанские ученые X–XX вв. и их сочинения / Назир ад-Дургелиб; пер. с араб., комм., факсимиле, указат. и библиогр. А.Р. Шихсаидова, М. Кемпера, А.К. Бустанова. – М., 2012.
- Османов А.И.* Письменные памятники Востока в составе Рукописного фонда ИИАЭ ДНЦ РАН / А.И. Османов, Ш.Ш. Шихалиев // Письменные памятники Востока. – № 1 (12). – 2009.
- Памятная книжка Дагестанской области на 1895 год / сост. Е.И. Козубский. – Темир-Хан-Шура, 1895.

Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля / Н.И. Покровский. – М., 2000.

Страницы отечественного кавказоведения / отв. ред. Н.Г. Волкова. – М., 1992.

Тарихи Дербенд-наме / под ред. М. Алиханова-Аварского. – Тифлис, 1898.

Хайбуллаев С. Махмуд из Кахабросо / С. Хайбуллаев. – Махачкала, 2008.

ЦИАГ (Центральный исторический архив Грузии. Тбилиси), ф. 416 (Кавказская археографическая комиссия).

Шихсаидов А.Р. Изучение восточных источников по истории и культуре Дагестана / А.Р. Шихсаидов // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. – Сер. Общественные науки. – Ростов-на-Дону. – № 4. – 1988а.

Шихсаидов А.Р. Археографическая работа в Дагестане / А.Р. Шихсаидов // Изучение истории и культуры Дагестана: археографический аспект. – Махачкала, 1988b.

Шихсаидов А.Р. Каталог арабских рукописей (Коллекция М.-С. Саидова) / А.Р. Шихсаидов, Х.А. Омаров. – Махачкала, 2005.

Шихсаидов А.Р. Арабская рукописная книга в Дагестане / А.Р. Шихсаидов, Н.А. Тагирова, Д.Х. Гаджиева. – Махачкала, 2001.